

*Я посвящаю эту книгу Ми.
Благодарю за любовь и за то,
что научила меня идти за мечтой.
Горжусь тем, что я твоя.
И Джонни.
Мне по-прежнему тебя не хватает,
особенно на свадьбах.
Я всегда буду любить тебя.*

Пролог

*Десять лет назад
Сан-Хосе, Калифорния*

Кхай знал, что должен плакать — все вокруг рыдали, — однако не мог выдавить из себя ни слезинки.

Если у него и щипало в глазах, то лишь от тяжелых, удушающих запахов в зале, где проходили похороны. Ему было грустно, но не настолько сильно, как человеку, у которого трагически погиб лучший друг. Да у него сердце должно было разбиться! Будь это вьетнамская опера, все вокруг утонули бы в потоках его слез.

Почему же он до сих пор не сошел с ума? Почему думает о домашнем задании на завтра? Почему не убит горем?

Двоюродная сестра Сара рыдала так сильно, что у нее началась рвота, и она побежала в туалет; наверное, бедолагу до сих пор там выворачивает. Ее мать, Ди Май, неподвижно сидела в первом ряду, молитвенно сложив руки на груди и опустив голову. Мама Кхая время от времени похлопывала сестру по спине, однако та оставалась безучастной. Ди Май тоже не проронила ни слезинки — потому что давно выплакала все слезы. Семья ужасно за нее переживала. Со времени получения страшного известия бедняжка превратилась в ходячий скелет.

К облегчению Кхая, шеренга буддистских монахов в желтых балахонах заслоняла гроб с Энди. Хотя мастера похоронных дел поработали на славу, тело все равно выглядело как-то не так. Лежавший в гробу ничем не напоминал

шестнадцатилетнего мальчишку — лучшего друга и любимого кузена.

Это не Энди. Энди ушел. Все, что от него осталось, живет лишь в памяти Кхая. Турниры на мечях, соревнования по армрестлингу, в которых Кхай никогда не выигрывал и вечно отказывался признать поражение. Он скорее позволил бы сломать себе обе руки, чем сказал бы «сдаюсь». Энди считал друга патологическим упрямым. Кхай отвечал, что у него просто есть принципы.

Он и сейчас вспоминал разговоры с Энди по дороге домой из школы, когда солнце давило на спину сильнее, чем набитые учебниками рюкзаки. «Тебя ничем не прошибешь, словно твое сердце сделано из камня». Кхай не помнил точных обстоятельств, но упрек кузена по сей день звучал в ушах. Только теперь он начинал понимать, что имел в виду Энди.

Комнату наводнили низкие, монотонные звуки буддистских гимнов: гортанные слова на незнакомом языке. Музыка заполняла пространство, отдаваясь в голове. Кхай невольно отбивал ритм ногой, хотя знал, что на него смотрят.

Когда же они замолчат? Вот бы стало тихо! Хоть в гроб лезь и закрывай за собой крышку!.. Но тогда он окажется в замкнутом пространстве рядом с трупом, а это, наверное, еще хуже.

Будь рядом друг... будь Энди жив, они бы смылись отсюда и нашли, чем заняться. Энди вечно что-нибудь придумывал. А сейчас его нет.

Рядом с Кхаем сидел старший брат, Кван, — и явно не собирался смываться пораньше. Похороны существуют именно для таких людей. Кван досидит до самого конца, как положено, и найдет в этом утешение. Несмотря на мощное телосложение и недавно сделанные татуировки на руках и на шее, — вылитый гангстер! — он то и дело осторожно промокал салфеткой покрасневшие глаза и влажные щеки. Кхай, как всегда, пожалел, что так мало похож на брата.

Мелодично звякнула металлическая чаша, пение прекратилось, и мгновенно наступило невероятное облегчение, словно с груди сняли тяжеленный камень. Монахи стали закрывать гроб, а процессия медленно двинулась к выходу из зала. Кхай ненавидел толпу и прикосновение чужих тел, поэтому остался сидеть, а Кван встал, и, похлопав младшего брата по плечу, присоединился к исходу.

Кхай провожал взглядом идущих мимо родственников. Кое-кто не скрывал слез, другие сдерживались, однако даже Кхаю было понятно, что у них горе. Тетушки, дядюшки, двоюродные сестры и братья, дальние родственники, друзья семьи, сплоченные общей бедой, поддерживали друг друга. Кхай, по своему обыкновению, оставался в стороне.

Строй замыкала группа женщин постарше: его мама, Ди Май и еще две тетушки, которые, как гласили семейные предания, с детства были не разлей вода и до сих пор старались поддерживать легенду. Не будь они все с ног до головы в черном, можно было бы подумать, что дамы пришли на свадьбу. Их шеи, пальцы и уши оттягивали украшения с бриллиантами и нефритами, а дорогие парфюмы перебивали густой аромат благовоний.

Когда мать и тетки поравнялись с его рядом, Кхай поднялся и одернул пиджак, доставшийся от Квана. Чтобы дорасти до этого пиджака, понадобится не один месяц. И тысячи отжиманий. Причем если начинать немедленно.

Подняв голову, Кхай увидел, что дамы остановились. Рука Ди Май, протянутая к его щеке, застыла в воздухе. Женщина печально посмотрела ему в глаза.

— Я думала, вы дружили. Тебе все равно, что Энди больше нет?

Сердце подпрыгнуло и заколотилось так быстро, что стало больно. В горле встал ком, и Кхай не смог выдавить ни слова.

— Разумеется, дружили, — выручила его мама и потянула сестру за руку. — Пойдем, Май, нас ждут.

Ноги Кхая приросли к полу. Женщины вышли. Умом он понимал, что стоит на месте, но ему казалось, что он падает. В бездонный колодец.

Я думала, вы дружили.

Еще в подготовительном классе учительница попросила родителей отвести его к психологу, и Кхай узнал: с ним что-то не так. Тем не менее, родные не принимали в расчет поставленный диагноз и говорили, что он просто «немножко странный». Во вьетнамской глубинке никто не слышал об аутизме и синдроме Аспергера. К тому же, Кхай не доставлял никаких хлопот и хорошо учился.

Я думала, вы дружили.

Слова эхом звучали в ушах, приводя к неутешительному выводу: он не такой, как все, но в плохом смысле.

Я думала, вы дружили.

Энди был ему не только лучшим, но и *единственным* другом. Самым близким человеком. Если он не горюет из-за смерти Энди, то не способен чувствовать горе. А значит, не может и любить. Энди был прав. У него каменное сердце. Страшное осознание просочилось в каждую клеточку его существа. Но что он мог изменить? Оставалось только смириться.

«Я думала, вы дружили».

Плохой... порченный. Кхай разжал кулаки, пошевелил пальцами. Руки-ноги слушаются. Легкие дышат. Он видит, слышит, живет. Чудовищная несправедливость. Будь у него выбор, он предпочел бы лечь в гроб вместо Энди.

Монахи вновь затянули песнопения, и Кхай понял, что обряд близится к концу. Надо идти к остальным и прощаться с другом. Как они не понимают: это бессмысленно, если Энди не может ответить!.. Кхай не стал ничего говорить.

Глава первая

*Два месяца назад
Хошимин, Вьетнам*

Обычно в мытье унитазов не было ничего интересного. Ми освоила это дело в совершенстве и могла работать с закрытыми глазами. Распыляешь химию снаружи, наливаешь внутрь, орудуешь щеткой. Смыть, тщательно вытереть. Две минуты. Если бы кому-нибудь пришло в голову устроить соревнования, Ми могла рассчитывать на призовое место.

Но в тот день произошло нечто странное. Ее отвлекли необычные звуки в соседней кабинке. Она была почти уверена, что девушка за перегородкой плачет. Не спортом же она там занимается! Из кабинки раздавалось ритмичное сопение. Какие спортивные упражнения можно делать в туалете? Махи согнутыми ногами?

За стеной послышался очередной сдавленный вздох, за которым последовал громкий всхлип. Ми опустила щетку. Девушка определенно плачет! Прижавшись щекой к стене кабинки, Ми спросила:

— Мисс, что-то случилось?

— Нет, все в порядке, — ответила девушка и всхлипнула еще трижды, после чего вновь раздалось тяжелое дыхание.

— Я работаю в этом отеле... — нерешительно сказала Ми. — И, если вас кто-то обидел, могу помочь.

«Во всяком случае, попытаюсь», — подумала она. Много ли толку от уборщицы? Ми не выносила, когда обижают

слабых, и готова была вмешаться, несмотря на страх потерять работу.

— Нет, все хорошо.

Открылась задвижка, и по мраморному полу зацокали каблуки. Высунув голову из кабинки, Ми увидела направляющуюся к умывальникам хорошенькую девушку на высоких шпильках и в красном платье в обтяжку, едва прикрывавшем ягодицы. Бабушка Ми сказала бы, что эта девица забеременеет, не успев выйти на улицу. Вероятно, она уже беременна — от одних только нескромных мужских взглядов.

Что касается самой Ми, то она забеременела от школьного плейбоя. Не понадобились даже короткое платье и пугающие каблуки. Сперва она сопротивлялась, мама с бабушкой ясно давали понять, что главное в жизни — учеба. Но парень преследовал ее до полной капитуляции, и Ми подумала, что это любовь. Узнав, что у нее будет ребенок, красавчик предложил стать его тайной любовницей. Он не мог ввести такую девушку в свою семью, принадлежавшую к высшему обществу, а к тому же был обручен с другой. Когда она отказалась, этот сукин сын облегченно вздохнул. Ее семья, со своей стороны, ужасно расстроилась — ведь на Ми возлагали столько надежд! Тем не менее, мать с бабушкой приняли ее выбор и помогли, чем могли.

Девушка в красном платье вымыла руки, промокнула залитое тушью лицо и удалилась, бросив полотенце на столешницу. Ми с досадой сжала кулаки; желтые резиновые перчатки возмущенно пискнули. Корзина для использованного белья стояла на самом видном месте. Ворча себе под нос, Ми подошла к умывальнику, вытерла брызги и бросила полотенце в корзину. Окинув взглядом умывальник, столешницу, зеркало и аккуратную стопку чистых полотенец, она убедилась, что все в порядке, и повернулась к последней кабинке.

Входная дверь стремительно распахнулась, и в туалет вбежала другая девушка. Черные волосы до талии, ху-

денькая, длинноногая, на высоченных каблуках — копия предыдущей, только платье белое. Может, в отеле проходит конкурс красоты? Странно, она ничего не слышала. И почему эта тоже плачет?

— Мисс, что с вами? — спросила Ми, нерешительно шагнув по направлению к девушке.

Та плеснула воды себе в лицо.

— Ничего.

Оперлась мокрыми руками о столешницу (опять придется вытирать), посмотрела на свое отражение в зеркале и сделала несколько глубоких вдохов.

— Я не сомневалась, что она выберет меня. Зачем спрашивать, если не хочешь услышать ответ? Хитрая тетка.

Ми перевела взгляд с закапанной столешницы на мокрое лицо девушки.

— Какая тетка? Куда выберет?

— Тебе не понять, — закатила глаза красотка, окинув презрительным взглядом гостиничную униформу.

Спина Ми напряглась, лицо предательски вспыхнуло. Не успела она придумать достойный ответ, как девица исчезла. Несмотря на сонм благородных предков, она тоже оставила использованное полотенце на столешнице.

Пройдя к умывальнику, Ми вытерла капли воды и швырнула полотенце в корзину. Недолет. Разочарованно вздохнув, Ми пошла его поднимать. Не успела рука в перчатке дотянуться до полотенца, как дверь вновь распахнулась. «Если это еще одна избалованная плакса, пойду убирать туалет в противоположном крыле», — решила Ми.

Женщина постарше, с усталым лицом, спокойно прошла в комнату для отдыха и села на обитую бархатом кушетку. Ми с первого взгляда поняла, что это вьеткьеу*, которая уже

---

* Вьеткьеу (вьетн. *Việt kiều*) — основное население вьетнамской диаспоры, этнические вьеты, живущие в диаспоре за пределами Вьетнама (здесь и далее — прим. перев.).

много лет живет за границей. Ее выдавали огромная сумка «Луи Виттон», дорогая одежда и ноги — в красивых босоножках, со свежим педикюром, незнакомые с мозолями за океанские ноги. Такие люди давали хорошие чаевые буквально за каждое движение, просто осыпали тебя деньгами. Наверное, сегодня мой счастливый день, подумала Ми, бросила полотенце в корзину и подошла к женщине.

— Мадам, принести вам что-нибудь?

Та отрицательно помахала рукой.

— Если что-то понадобится, дайте мне знать. Приятного отдыха. Это очень хороший туалет.

Ми поморщилась. Кажется, последняя ее фраза была ни к чему. Ну да ладно. Осталось помыть одну кабинку. Она не понимала, зачем устраивать комнату отдыха рядом с туалетом. Здесь, конечно, очень мило, но как можно расслабиться в таком месте?

Закончив работу, девушка поставила ведро с моющими средствами на пол и в последний раз оглядела помещение. Одно полотенце размоталось. Она вытащила его, скрутила и вставила на место. Поправила коробку с салфетками. Все, теперь порядок. Ми наклонилась за ведром и услышала голос:

— Почему ты поставила салфетки наискосок?

Ми выпрямилась, посмотрела на коробку и почти что наклонила голову.

— Таковы требования отеля, мадам.

Лицо женщины выразило глубокую задумчивость. Она поманила Ми к себе и похлопала рукой по кушетке.

— Садись, поговори со мной минутку. Меня зовут Ко Нга.

Ми удивленно улыбнулась и присела на край кушетки, выпрямив спину и сложив руки на коленях, прижатых друг к другу, — так учила бабушка. Острые глаза на бледном напудренном лице смотрели на нее так же пристально, как

она сама недавно на злосчастную столешницу. Ми еще сильнее сжала колени и вновь растянула губы в улыбке.

— Значит, тебя зовут Тран Нгок Ми.

Незнакомка прочла имя на табличке.

— Да, мадам.

— Ты убираешь здесь туалеты? А что еще ты делаешь?

Ми изо всех сил старалась удержать улыбку, которая начала сползать с лица.

— Убираю в номерах, меняю простыни, застилаю постели.

Ми не мечтала о такой работе с детства, но платили неплохо, и она старалась.

— Ну-ка... Ты ведь полукровка? — Женщина взяла ее за подбородок. — У тебя зеленые глаза.

Ми затаила дыхание, пытаясь понять реакцию незнакомки. Иногда людям это нравилось, чаще — нет. Полу-кровкой хорошо быть, только если у тебя много денег.

— Как так получилось? Здесь не было американских солдат со времен войны, — наморщила лоб женщина.

— Мама говорит, что он приезжал во Вьетнам по делам. Я никогда не видела своего отца, — пожалала плечами Ми.

Если верить матери, она была у него домработницей, а заодно и кое-кем еще. А потом американец закончил работу и уехал. Мать поняла, что беременна, лишь после его отъезда. Она понятия не имела, как его найти, и вернулась домой, к своей семье. Ми всегда думала что уж она-то не повторит маминой ошибки, а в итоге пошла по ее следам.

Незнакомка кивнула и сжала ее руку.

— Недавно в городе? Не похоже, что ты местная.

Ми отвела глаза, и улыбка покинула ее лицо. Она выросла в бедности, но лишь оказавшись в большом городе, поняла, насколько все плохо.

— Мы переехали пару месяцев назад, я нашла здесь работу. А что, так заметно?

Собеседница дружески потрепала ее по щеке.

— Ты наивна, как деревенская девочка. Откуда родом?

— Из деревни в окрестностях Митхо, на реке.

Женщина расплылась в улыбке.

— Ты мне сразу понравилась. Место многое значит.

Я сама там выросла. Мой ресторан называется «Лапша Митхо». Один из лучших ресторанов в Калифорнии, прекрасные отзывы на телевидении и в журналах. Хотя здесь ты вряд ли о нем слышала, — вздохнула женщина и вновь приступила к расспросам, — Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Выглядишь моложе, — удовлетворенно кивнула Ко Нга. — Впрочем, возраст подходящий.

Ми не стала уточнять, для чего. Даст эта чудачка чаевые или нет, надо прекращать пустой разговор. Нормальная городская девушка давно бы ушла. Туалеты сами не помоются.

— Никогда не думала побывать в Америке? — спросила вдруг Ко Нга.

Ми покачала головой, хотя это была ложь. В детстве она мечтала жить в стране, где не будет выделяться, а возможно, даже встретит своего зеленоглазого отца. Однако Вьетнам и Америку разделял не только океан, и чем старше становилась Ми, тем сильнее увеличивалось расстояние.

— Ты замужем? — спросила женщина. — У тебя есть парень?

— Нет, никого.

Ми разгладила морщинку на униформе и еще плотнее сжала колени. Что ей нужно? Ми слышала множество страшных историй о незнакомцах. Неужели эта приятная с виду женщина хочет обмануть ее и продать в сексуальное рабство в Камбоджу?

— Не бойся, я тебя не обижу. Погоди, покажу кое-что.

Женщина пошарила в своей необъятной сумке, достала коричневый конверт и вытащила фотографию.

— Это мой младший сын, Дип Кхай. Красивый, правда? Ми не хотела даже смотреть — какое ей дело до незнакомого парня из калифорнийского рая, — но решила подыграть собеседнице. Надо взглянуть и выразить восхищение. Сказать, что ее сын — вылитая кинозвезда, подыскать благовидный предлог и уйти.

Посмотрев на снимок, она замерла от удивления. Парень на фото действительно выглядел кинозвездой: волевые, правильные черты, сексуальная спортивная фигура. От него исходили спокойствие и сосредоточенность. На губах играла едва заметная улыбка. Он смотрел не в объектив, а куда-то в сторону. Ми невольно наклонилась ближе к фото. Если он актер, то наверняка у него нет недостатка в героических ролях: телохранителей, мастеров кунг-фу или наемных убийц. О чем он думает? Чем живет? Почему не улыбается по-настоящему?

— Ну, что я тебе говорила? — понимающе улыбнулась Ко Нга.

Ми моргнула, словно выходя из транса, и передала снимок хозяйке.

— Да, ваш сын очень красив.

«Повезет же девушке, которую он выберет в жены», — подумала Ми. Они будут жить долго и счастливо... Хотя, пусть бы они раз в жизни отравились несвежей едой. Не смертельно, конечно. Просто пусть животы немного поболят.

— Он еще и очень умный. Окончил магистратуру.

— Здорово, — выдавила улыбку Ми. — Я бы на вашем месте гордилась таким сыном.

«А моей маме досталась дочь, которая убирает туалеты... Надо идти заниматься делом», — напомнила она себе. Зависть — не самое достойное чувство. И все-таки она пожелала красавцу с фото испытать еще парочку пищевых отравлений. Должна же быть в мире какая-то справедливость!

— А я им и горжусь, — продолжала Ко Нга. — Собственно, из-за него сюда приехала. Ищу ему жену.

— Вот как, — нахмурилась Ми. — Не знала, что в Америке так принято.

Даже во Вьетнаме это считалось ужасно старомодным.

— Вовсе нет, и Кхай бы очень рассердился, но у меня лопается терпение. У его старшего брата полно подружек, а Кхаю уже двадцать шесть, и до сих пор никого нет. Этим летом в нашей семье состоится три свадьбы, а ему хоть бы хны. Раз он не знает, как найти жену, я решила ему помочь. Целый день беседовала с кандидатками. Ни одна из них не оправдала моих надежд.

У Ми отпала челюсть.

— Так все эти несчастные...

— Они плачут, потому что им стыдно, — отмахнулась Ко Нга. — Ничего, переживут. Мне надо было знать, действительно ли они хотят выйти замуж за моего сына. Оказалось, что нет.

— По-моему, они очень хотели.

Ми была уверена, что плачущие девчонки не притворялись.

— А ты? — измерила ее оценивающим взглядом Ко Нга.

— Что, я?

— Хочешь выйти за моего сына?

Ми оглянулась, не стоит ли у нее за спиной еще какая-нибудь претендентка.

— Я?!

— Да. Ты мне нравишься. Ты честная, трудолюбивая девушка, симпатичная и воспитанная. Думаю, я могу доверить тебе своего Кхая.

Не в силах произнести ни слова, Ми удивленно вытаращила глаза. «Наверное, испарения от химикатов повредили мой мозг», — подумала она.